

А. Ф. Носкова

(Институт славяноведения РАН)

XX съезд КПСС и «секретный доклад» Н. С. Хрущева: что это было?

Прошедшие 50 лет со времени крупных политических событий минувшего столетия — XX съезда КПСС и первых системных кризисов социализма — серьезный повод для взвешенного, объективного, подлинно научного анализа прошлого. Принципиально важно, что политические перемены и начавшаяся в 1990-е годы в нашей стране и странах бывшего советского блока «архивная революция» дают возможность на новой документальной базе реконструировать историю социализма, отбросив ненужную ее политизацию и идеологизацию.

С XX съездом КПСС многие исследователи связывают начало постепенной, с приливами и отливами, трансформации того этапа в существовании тоталитарного политического режима левого толка в СССР и странах Восточной Европы, на который пришлось правление Сталина. Тогда одним из характерных приемов удержания власти правящей группировкой во главе с вождем стали массовые, как правило, псевдополитические репрессии представителей разных социальных слоев. Они превратились в важнейший инструмент устрашения и подчинения общества власти. За этим тяжелым временем в жизни многих поколений людей закрепилось название сталинизм.

Длительный период в коммунистической идеологии и марксистско-ленинской исторической науке господствовал «тираноборческий» тезис, а точнее миф, согласно которому разрушение тоталитарных режимов происходит в результате сопротивления народа. В настоящее время, возвращаясь к истории социальных потрясений при социализме и наблюдая на рубеже 1980—1990-х годов XX в. его «уход» в прошлое, политологи уделяют все большее внимание другой проблеме. Анализируется роль «прогрессивной» части политических элит в «организации», по сути дела, разрушительных общественно-политических процессов. Причем, этим процессам задается такое содержание и направление, где даже ценой политических кризисов или экономических потрясений открываются возможности воспроизводства и легитимизации власти, обновленной, прежде всего, персонально.

Борьба элит за власть, а также клановые противостояния внутри этих социально-политических групп, в свою очередь порождают противоречивые, лишь на первый взгляд, тенденции в обществе. С одной стороны, борьба политических группировок провоцирует появление и возрастание общественного запроса на вмешательство представителей власти в ход событий, на реформы и наведение некоего порядка, в том числе и «твердой рукой». С другой стороны, борьба в среде политической элиты, эксплуатирующей этот запрос в своих интересах, питает постепенно проявляющееся или набирающее силу недовольство «низов», вплоть до рождающегося отторжения режима народом. В этих условиях побеждающая часть элит получает шанс закрепиться во власти ценой смягчения самого политического режима, непоследовательных либерализации экономической политики, демократизации, «гласности». Рано или поздно из стихийного во многом недовольства возникают ростки оппозиции режиму, который, в конечном счете, постепенно продвигается к краху, в том числе усилиями той части политической элиты, которая следует за логикой общественного процесса¹.

Такая политологическая модель представляется перспективной применительно к проблеме, которая в настоящее время, в связи с 50-летием XX съезда КПСС, широко обсуждается отечественными и зарубежными исследователями. Она позволяет на конкретно-историческом материале рассмотреть борьбу внутри советской политической элиты как один из главных факторов, повлиявших на стабилизацию власти и сохранение советского политического режима еще на 40 лет и одновременно в итоге приведших этот режим к исчезновению.

Итак, XX съезд и так называемый секретный доклад Н. С. Хрущева... Что же это было?

И партийный съезд, и этот доклад использовались в советской пропаганде как идеологический инструмент для обоснования происходивших в стране перемен и смягчения политического режима. Но разрушительный для сталинской системы потенциал, заложенный в докладе и, следует подчеркнуть, в поступке Хрущева, вопреки, казалось бы, пониманию и замыслу этого политика, довольно быстро был заблокирован. Уже в мае 1956 г. А. Т. Твардовский с горечью отметил в своем дневнике: «...Как все ясно и понятно — что нужно и чего не нужно — и как невозможно высказать это, не натолкнувшись на стену иезуитски и демагогически “идейно-выдержанных” коллег, утверждения которых наверняка будут более доступны, привычнее слуху руководства. В лучшем случае — дай бог — добиться “существования с ними”»².

Эту характеристику неоднозначных настроений и политической атмосферы в президиуме Союза писателей СССР с полным основанием можно распространить на партийно-государственный аппарат, а также на значительную часть рядовых членов партии и комсомола. Пройдет несколько лет, и одним из аргументов в борьбе «узкого» советского руководства с Хрущевым станет антисталинский «секретный» доклад на XX съезде КПСС. И его автор, и сам доклад надолго будут преданы политическому забвению. Лишь во времена «гласности» ситуация в стране и партии начала постепенно меняться, что создавало условия для новой «жизни» доклада как исторического события своей эпохи.

Тем не менее в СССР текст доклада был опубликован впервые в журнале «Известия ЦК КПСС» в 1989 г.³ Этому предшествовали газетные его публикации, но документы съезда оставались на секретном хранении в архиве ЦК КПСС. Возобновление после революционных событий 1991 г. в Москве процесса реабилитации жертв политических репрессий и замысел постсоветской элиты организовать суд над КПСС послужили импульсом к работе ученых и архивистов. Но время, отпущенное новой властью для использования доклада с политическими и воспитательными целями, оказалось скоротечным, что определило судьбу доклада, прежде всего, как предмета научных исследований и документальных публикаций.

В середине 1990-х годов материалы съездов КПСС были рассекречены и поступили на государственное хранение. Они стали доступны историкам. Усилиями архивистов и ученых из небытия извлекались тысячи еще недавно сугубо секретных документов. Они составили основу фундаментальных сборников документов. Самые важные публикации пришлось уже на XXI в. Наиболее ценным среди них является издание в серии «Культура и власть от Сталина до Горбачева» текста доклада, который лег в основу выступления Хрущева на съезде 25 февраля 1956 г., и всех выявленных его вариантов и редакций, созданных до и после этого события, а также 200 с лишним документов, связанных с докладом. Издание — плод совместных усилий российских и немецких исследователей⁴.

Необычайно богата отечественная мемуарная литература. За последние 15 лет не единожды выходили из печати мемуары Н. С. Хрущева⁵. Опубликованы десятки воспоминаний представителей советского руководства (В. М. Молотова, А. И. Микояна, Л. М. Кагановича, Д. Т. Шепилова, А. А. Громыко и др.), деятелей культуры и науки, военачальников, разведчиков, партийных идеологов и пропагандистов тех лет⁶.

Таким образом, сегодня в России ученые имеют объемную группу доброкачественных источников, которая служит и может служить в даль-

нейшем основой для фундаментальных исследований истории XX съезда КПСС и его эпохи.

Постепенно сложился и коллектив российских ученых — исследователей времени правления Хрущева. Вот некоторые из них: Р. Г. Пихоя, Ю. В. Аксютин, А. А. Данилов, А. В. Пыжиков, М. Ю. Прозуменщиков, В. А. Козлов, Е. Ю. Зубкова и др.⁷ На мой взгляд, при некоторых нюансах в научных позициях этих исследователей нет принципиальных расхождений в оценке XX съезда КПСС и доклада о «культе личности». Считается, что тогда произошло, несомненно, исключительное событие в истории СССР и КПСС, которое отразило стремление части советской элиты во главе с Хрущевым освободить политический режим от наиболее жестоких его проявлений, а также избавиться от людей из сталинского «ближнего круга» и тем самым подвести некую черту под репрессивным прошлым страны. Утверждение Хрущева новым лидером партии связывается со стабилизацией ситуации в партии, с ослаблением роли органов насилия и укреплением позиций партийных структур в управлении государством, т. е. с обновлением политического курса.

Вместе с тем труды российских ученых нередко содержат и некий «заряд» дискуссионности. Есть сторонники более «узкого» толкования целей Хрущева, а также тех, кто его поддерживал уже до съезда. Делается акцент на том, что, выступая с «секретным» докладом, Хрущев решал, в первую очередь, собственную задачу — укрепиться на посту главы партии и тем самым закончить в свою пользу процесс борьбы за лидерство в постсталинской элите. Представляется, что, особенно в этой последней авторской позиции, есть элемент «недоговоренности», непременно вызывающий у читателя вопросы. Каковы были цели той жесткой критики, с которой Хрущев обрушился на Сталина на XX съезде? Только ли речь шла о подавлении политических противников — конкурентов Хрущева? Ради чего Хрущев боролся за высшую власть в СССР? Каким он видел ближайшее будущее страны? Замышлял ли он перемены, видел ли их возможные пределы? Было ли прозвучавшее на съезде осуждение массовых репрессий началом процесса десталинизации политического режима? Наконец, предпринималась ли Хрущевым, дважды выступавшим на съезде, попытка, сказав делегатам съезда то, о чем не принято было говорить вслух, определенным образом предупредить выросшую при Сталине партийную номенклатуру, или он использовал трибуну съезда прежде всего и только в личных политических интересах? Все это достаточно активно обсуждаемые в отечественной и зарубежной науке вопросы. Ответы на них, как правило, разбросаны по страницам книг, но редко аккумулируются в четкую авторскую позицию.

Пытаясь ответить на некоторые из поставленных вопросов, вернемся в 1953 г. Тогда подавляющее большинство советских людей восприняло смерть Сталина, с которым в массовом сознании репрессии напрямую не ассоциировались, как глубокую личную и коллективную трагедию. Лишь немногие в масштабах многомиллионной страны, может быть десятки тысяч, связывали с этой смертью избавление от тирана и наступление времени перемен, но не они, и это надо признать, определяли в ту пору характер массового сознания. Таков был исторический контекст «внизу».

А «вверху»? Распалась единоличная власть. Сталин не обозначил преемника. Сознательно или просто не успел — это вопрос для иного исследования. Наличие нескольких претендентов на место вождя предполагало перегруппировку сил в Кремле, сделало жесточайшую борьбу за лидерство в высшей советской элите одной из ведущих тенденций политического развития страны на ряд лет. Причем, стержнем, вокруг которого она разворачивалась, немедленно, буквально сразу после похорон Сталина, стала тема «культа личности» и репрессий, а ее автором — всемогущий Л. П. Берия, располагавший не только самой обширной и подлинной информацией «на всех и каждого», но и острым политическим чутьем. Весной 1953 г. он представил членам ЦК КПСС некоторые документы о роли Сталина в организации политических репрессий за истекшие год-два, и обозначил, но не назвал имя их главного виновника и носителя «культа»⁸. Согласились ли с ним члены ЦК — не суть важно. Значительно важнее другое — «наверху» был предложен путь к переменам, а именно к ослаблению террора в стране. Это был путь, болезненный для некоторой части сталинской элиты, но не гибельный для самого режима.

Современные российские исследователи, например Ю. В. Аксютин, считают именно весну 1953 г. временем начала десталинизации страны, вкладывая в это понятие отдельные, хотя и «внешние», но порой весьма заметные проявления смягчения режима⁹. При таком подходе можно согласиться с тезисом Аксютин. Действительно, замыслы и действия Берии были направлены на устранение того, что грубо дискредитировало систему (многие миллионы арестованных — отсюда амнистия, освобождение врачей — сигнал к прекращению антисемитской кампании и политических репрессий на ее основе, некоторая либерализация национальной политики — успокоение «окраин», постановка проблемы советников — намеки союзникам и другие, в том числе внешнеполитические новации).

Если же десталинизацию понимать как демонтаж ряда важнейших компонентов созданной Сталиным системы управления обществом (абсолютная, деспотическая власть вождя, и насилие как важнейший метод

руководства страной — отсюда всеобщий контроль, политический сыск и массовые репрессии, внесудебные расправы, атмосфера страха и доносительства), то в применимости этого термина к весне 1953 г. можно согласиться при весьма существенной оговорке. Происходившие сразу после смерти Сталина персональные перестановки на властном Олимпе вызывали интерес, но не меняли общих настроений в стране. Вера в вождя оставалась в массовом сознании непоколебимой, как и нормы общественного поведения. Берия обозначил направление возможных действий элиты по реабилитации режима, но политическая «жизнь» элиты и ситуация в «верхах», и не только там, продолжали формироваться по канонам сталинской эпохи. Сохранялись сложившиеся при Сталине представления о целях, принципах и допустимых инструментах политической борьбы. Это подтвердила деятельность и судьба самого Берии.

Быстрое превращение Берии (с его реформаторскими проектами, обладанием всеобъемлющей информацией и контролем над силовыми ведомствами) в самую мощную фигуру «коллективного руководства», непредсказуемую, а потому в высшей степени опасную для партийно-государственной и военной элиты, также ответственной за то, что происходило в стране при Сталине, было прервано посредством типично советского, откровенного спектакля. Арест недавнего соратника, специальный пленум ЦК КПСС в начале июля 1953 г.¹⁰ и закрытый суд по столь привычному для сталинского времени обвинению в «шпионаже и агентуре в пользу империализма», наконец, расстрел — все это было взято из эпохи 1930—1940-х годов и демонстрировало отсутствие перемен в политическом менталитете и действиях представителей высшей власти. Критика «культа личности» прозвучала, но все беззакония были записаны на счет Берии¹¹.

Тем не менее искушенные в партийных интригах советские политики уже могли понять, не только то, что скоро, возможно, будет назван основной виновник репрессий — Сталин, но и то, что главным инициатором темы «культа» станет Н. С. Хрущев. Участник июльского пленума, талантливый советский писатель и партийный функционер «от литературы» К. М. Симонов, прослушав обвинительное в адрес Берии выступление Хрущева, сделал вывод, что будущий критик Сталина «оказался пронзительней, талантливей, энергичней и решительней, чем все остальные». Симонов отметил и оценил «глубоко природную, чисто мужицкую, цепкую хитрость» Хрущева, «здравый смысл и силу его характера»¹², что ярко продемонстрировали затем XX съезд КПСС и победа Хрущева на этом съезде.

1954—1955 годы были отмечены некоторыми переменами во внешней (ослабление «железного занавеса») и внутренней (новые акценты в развитии экономики) политике партии. Они вошли в историю Советского Союза, в том числе как время первой, недолгой «оттепели» с «заморозками» в духовной жизни общества, в настроениях и деятельности творческой интеллигенции. Что касается темы «культ личности», она возникала, но, как и прежде, открыто, публично не связывалась с главным носителем зла. Имя и образ Сталина, как отмечают историки, непременно присутствовали в речах советских руководителей, в пропагандистской литературе, в официальных документах правительства и партии. Авторитет его охранялся практически до XX съезда КПСС. Исключение имени диктатора из советского политического лексикона, прекращение его прославления в официальных речах, печати и на радио исследователи относят лишь к первым дням февраля 1956 г.¹³

Однако российские ученые считают, что уже после политического и публичного осуждения Берии советское общество, вряд ли удивившись случившемуся разоблачению (обвинения в шпионаже были привычным приемом на политических процессах 1930—1940-х годов), как будто начинало просыпаться от долгой спячки и главное — оно переставало быть монолитом. Для подтверждения этого важна констатация, что решение об освобождении Г. М. Маленкова от должности председателя правительства в январе—феврале 1955 г., т. е. следующее резкое политическое действие Хрущева, вызвало различные, далеко не всегда одобрительные отклики в отдельных социальных группах советского общества, что в эпоху Сталина трудно было даже предположить. В научной литературе и источниках приводятся многочисленные конкретные примеры «несогласия» и среди них можно отметить обсуждение итогов январского (1955 г.) пленума ЦК КПСС на партсобрании философского факультета МГУ. Здесь были лица, «неправильно выступавшие», но за такие «проступки» они теперь отделались только взысканиями¹⁴. По советским меркам, это были слишком мягкие политические наказания за смелость критиковать решения партийных «верхов», что можно истолковать как симптомы десталинизации политического режима. В ту пору она была возможна лишь при активной позиции той части советской элиты, которая осознавала необходимость критического осмысления деятельности Сталина как средства собственного политического спасения. С этой точки зрения новый политический лидер — Н. С. Хрущев, как позднее и В. Гомулка в Польше¹⁵, оказывался востребованным для доказательства возможности обновления существующего политического режима, для убеждения масс заново в его легитимности и стабильности, наконец, для реабилитации идей социализма.

Одним из проявлений движения советской элиты в таком направлении были заметные перемены во внешней политике и среди них важнейшая для рассматриваемой проблемы — инициатива Хрущева по примирению с Югославией¹⁶. В данном случае обойти вопрос об ответственности Сталина, казалось, было невозможно. Хрущев нашел выход. Настояв на визите советской делегации в Белград, он разделил вопрос о признании вины Сталина за разрыв советско-югославских отношений в 1948 г. на «внутренний» и «внешний». Попытка югославской стороны на переговорах в Белграде в мае 1955 г. назвать Сталина главным виновником конфликта, что соответствовало истине, была Хрущевым заблокирована. Он предложил не ворошить прошлое и не нападать на Сталина: «Мы не дадим его в обиду, защищать будем...»¹⁷ — и получил поддержку маршала Й. Тито, который сам был в Югославии не меньшим диктатором, чем Сталин в СССР. Тито мог предположить возможные последствия такой критики для себя лично.

В Москве все выглядело по-другому. Как показывают материалы июньского и июльского (1955 г.) пленумов ЦК КПСС, обсуждение истории советско-югославского разрыва сопровождалось жесткой критикой В. М. Молотова, в свое время главного соратника Сталина и министра иностранных дел СССР, теперь упорно перечившего Хрущеву. Ему припомнили многое, в том числе ответственность за пакт 1939 г. с Германией и войну с Финляндией. Хрущев прямо указал на виновников этих и других внешнеполитических «грехов»: сначала Сталин и затем Молотов¹⁸. Таким образом, тема «культы личности» как тема ответственности за прошлое вновь была использована Хрущевым для подавления следующего его политического противника. Но уже тогда на партийных форумах решались более крупные вопросы, чем только политическая судьба даже столь влиятельного человека, как Молотов.

Речь шла о корректировке внутреннего курса, о цене за сплочение советской элиты или части ее вокруг нового лидера и о консолидации, как тогда говорили, системы социализма. Присутствовавший на пленуме ЦК КПСС в июле 1955 г. А. Твардовский таким увидел Хрущева на обсуждении доклада по промышленности: «Все смело, правдиво, даже с перехлестом — в отношении отставания от США, недоиспользования наших социалистических возможностей, неумелости, некультурности, излишеств централизации и фантастической бессмыслицы наших встречных перевозок и т. п. Но кажется, что частности все верны, а общего ключа ко всему вроде и нет... Какой бы из него был могучий критикан этой стихийности, не будь он во главе дела? Живописен, умен, форсист, груб, но смотрит в корень и хочет добра»¹⁹.

При всей точности описания фигуры Хрущева Твардовский не увидел того «ключа», необходимого для перемен в стране, который уже был в руках Хрущева. В первую очередь это был вопрос вины Сталина за широкие репрессии во всех слоях советского общества. Обвинение вождя вновь прозвучало, правда, пока в узком кругу членов пленума и при поддержке не всех его участников.

После восстановления отношений с Югославией размежевание в советской партийной элите по вопросу оценки прошлого, а значит и.определения будущего, проступало все отчетливей. Как считают отечественные авторы новейших монографий, перелом в действиях Хрущева наступил в декабре 1955 г.²⁰ К этому времени дело нейтрализации конкурентов и удаления из партийной элиты упорных сторонников Сталина проходило для Хрущева довольно успешно. После уничтожения Берии и ряда преданных ему генералов из госбезопасности политические возможности этого ведомства были ограничены. Среди населения стал несколько снижаться «уровень» страха перед государством и его репрессивным аппаратом. Отстранением Маленкова народу показали, что главная роль в управлении обществом возвращается из правительства (госбезопасность) в ЦК партии, членами которой были миллионы людей.

Между тем общая обстановка в стране оставалась сложной. Все более открыто выражалось недовольство острым жилищным вопросом, тяжелым материальным положением, на которое оказывали скромное воздействие меры по стимулированию экономики и снижению розничных цен. В Кремле осознавалась опасность появления широкого недовольства и признаков отторжения режима. Не могли там не понимать и того, что массовые репрессии для подавления недовольства теперь уже были невозможны. Освобождение политзаключенных и их реабилитация порождали, особенно среди интеллигенции, вопрос, что происходило и происходит в стране, и кто в этом виноват? На 1 января 1956 г. в лагерях еще оставалась $\frac{1}{3}$ политических заключенных, но, говоря словами А. Ахматовой, две России: та, что сажала, и та, которую посадили, уже глядели в глаза друг другу²¹.

Стабилизировать ситуацию (и это не вполне осознавали Хрущев и его ближайшие сторонники) могли мероприятия или события, которые дали бы надежду и перспективу на лучшее будущее. Таким событием должен был стать очередной, XX съезд КПСС. Съезд и отчетный доклад готовились с весны 1955 г. В начале апреля было принято решение о созыве съезда 14 февраля 1956 г. и, хотя предполагалось огласить на нем почти революционные установки, например о мирном сосуществовании и мно-

гообразии форм перехода к социализму, сценарий и повестка дня работы партийного форума оставались в рамках сложившихся идеологических и политических традиций. В духе этих традиций было и принятое на заседании Президиума ЦК КПСС 5 ноября 1955 г. решение отметить в печати и на радио день рождения вождя²².

Тема «культ личности» Сталина и его вины за массовые политические репрессии, уже достаточно «привычная» для советской партийной элиты, была стремительно, 9—13 февраля 1956 г., т. е. в канун открытия съезда, введена Хрущевым в повестку дня сначала пленума ЦК КПСС и затем съезда партии в качестве отдельного, закрытого доклада Хрущева²³. Чем это можно объяснить? Несомненно, свое воздействие оказали итоги работы и доклад специальной комиссии ЦК КПСС, созданной 31 декабря 1955 г. для установления причин массовых политических репрессий в стране и возглавлявшейся секретарем ЦК П. Н. Поспеловым. Доклад этой комиссии на заседании президиума ЦК 9 февраля 1956 г. был наполнен многочисленными фактами и документами, которые свидетельствовали о безудержном политическом терроре в стране²⁴. Приводимые материалы не могли не оказать эмоционально негативное воздействие на членов Президиума. Но только Хрущев и немногие его сторонники интуитивно смогли осознать большее: существует вероятность возникновения наступления политического «момента истины», который откроет уникальную возможность, сделав Сталина единственным виновником недавних трагических событий в стране, «отделить» партию от сталинских преступлений, снять вину за прошлое с партийного руководства и с себя лично, убедить, оказав давление, партийную элиту поддержать нового лидера в его уже обозначившемся политическом курсе.

С этой целью накануне выступления Хрущева с текстом «секретного» доклада, который уже во время работы съезда диктовался, дописывался и редактировался Хрущевым, были в перерыве между заседаниями 22 февраля 1956 г. ознакомлены члены Президиума ЦК КПСС. Напомним, знали о закрытом докладе Хрущева и члены пленума ЦК КПСС, а это около 300 из 1 500 делегатов съезда²⁵. Хрущев, взяв всю ответственность за содержание доклада и смелость его оглашения на себя, давал понять представителям партийного аппарата, не проявлявшего особой готовности расстаться со сталинскими порядками, что их союз с Хрущевым и отказ от сталинского «наследия» для них не опасны, напротив, они политически перспективны. Такой союз был необходим и главе партии для реализации нововведений во внутренней и внешней политике, изложенных в отчетном докладе и ни в малейшей мере не посягавших на фундаментальные принципы советского строя и власти партии.

Итак, 25 февраля 1956 г. на трибуне XX съезда стоял человек, многие годы преданно служивший Сталину. Но это был уже другой сталинист, сталинист нового времени, который рисовал правдивую, хотя далеко не полную, картину чудовишных недавних преступлений. В зале сидели тоже сталинисты, которым были известны многие из приводившихся зловещих фактов. Большинство делегатов съезда в разной мере были ответственны за подобные деяния, но прежде молчание служило способом их самосохранения. Теперь Хрущев говорил обо всем вслух, и это настораживало и ошеломяло. Советский философ Ю. П. Францев, заместитель главного редактора «Правды» так, переходя порой на шепот, описывал сослуживцам свои впечатления со съезда: «Я мог думать, что это произойдет когда-то, должно произойти, но никогда не ожидал, что до этого доживу»²⁶.

Почти сразу после съезда, 5 марта 1956 г., Президиум ЦК принял решение ознакомить всех коммунистов и комсомольцев, «а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников» с докладом Хрущева, произнесенным на закрытом заседании XX съезда КПСС. Его вариант прослушали семь миллионов коммунистов и 15 млн комсомольцев²⁷. Таким образом, основное содержание «секретного» доклада стало известно широким партийным кругам, а вскоре и многим миллионам беспартийных граждан СССР.

Хотя в стране и ранее знали об арестах, ссылках в лагеря и смертных приговорах сталинского времени, далеко не все представляли себе масштаб репрессий и лживость обвинений. Поэтому как гром среди ясного неба, как сенсацию, как глубокое потрясение воспринимали доклад Хрущева миллионы простых советских людей, далеких от политики и занятых сугубо земными проблемами своей нелегкой жизни. Не менее ошеломляющим было впечатление от доклада и у людей, относившихся к советской творческой элите и знавших меру вины Сталина за ситуацию в стране. Уже упоминавшийся А. Т. Твардовский вскоре после съезда записал в своем рабочем дневнике: «Ужасный месяц после доклада о культе — голова не вмещала всего... Нет, все хорошо, нужно жить и исполнять свои обязанности. Процесс социализма — естественный процесс — как вода, как трава, — что ни делай — найдет путь, пробьется, прорастет. Правда нужна потому, что иначе мир перестанет быть управляемым, хотя бы в той малой степени, как это доступно людям»²⁸.

Но реакция в советском обществе на поступок Хрущева, разоблачение преступных деяний Сталина, и новые идеи лидера партии были неоднозначной. Партийные функционеры, рядовые члены партии и беспартий-

ные граждане разделились на тех, кто считал, что Хрущев и съезд покусились на «святыню святых», и тех, кто одобрял и поддерживал Хрущева. Ожесточенный, национально-политический характер приняли демонстрации в защиту Сталина в начале марта 1956 г. в Грузии. Вылившиеся в массовые беспорядки, они были подавлены с применением оружия и бронетехники. Пролилась кровь²⁹.

Но российские исследователи приводят примеры и совсем другого восприятия советскими людьми доклада Хрущева о культе личности. Коммунисты и беспартийные на многих закрытых и открытых партийных собраниях говорили, что Сталину нельзя простить «неоправданное уничтожение кадров». Еще недавно вождя теперь люди называли «преступником перед человечеством», требовали посмертного суда над ним. Было распространено сравнение происходившего в СССР с испанской инквизицией³⁰. Весь XX съезд партии стал ассоциироваться в общественном мнении с разоблачением, прежде всего, культа Сталина, а не с новыми, по тем временам революционными, идеями о сосуществовании разных социально-политических систем и возможности избежать новой мировой войны. Такова была атмосфера в советской стране тех лет.

Можно ли, учитывая это, назвать действия Хрущева только тактическими манипуляциями в борьбе за партийный Олимп? Представляется, дело обстоит значительно сложнее. Было бы удивительным, если бы Хрущев, обладая феноменальной политической интуицией и опытом борьбы за место в советской партийно-государственной элите, не пользовался приемами политической интриги. Важнее вопрос, зачем, почему человеку, не утратившему веры в идеалы коммунизма, могла быть нужна эта личная верховная власть? Может быть, потому, что после победы над фашизмом и затем смерти харизматического лидера, некоторые представители высшего эшелона советской власти (Хрущев в их числе) отчетливо осознали ослабление мобилизующего потенциала патриотических и коммунистических идей для консолидации советского общества. Понимали они и необходимость снижения уровня форс-мажорного состояния людей, вызванного войной и тяготами послевоенного восстановления страны, через смягчение внутренней, в первую очередь карательной политики. Берия — один из первых определил подходящие для этого сегменты политического режима. Хрущев подхватил и политически использовал тему репрессий. На XX съезде КПСС он публично сокрушал «культ личности» и деяния Сталина. Это открывало возможность изъять некоторые элементы из основания режима (прежде всего абсолютизм вождя и массовые репрессии) и тем самым «очистить» и укрепить советскую власть, которой Хрущев был, несомненно, предан.

После XX съезда КПСС террор, внесудебные расправы и казни, в том числе и представителей партийного и государственного аппарата, как одни из главных инструментов подчинения и управления обществом, как способ не уголовного, а политического наказания за малейшую, зачастую выдуманную, провинность, в массовом порядке, что имело место при Сталине, не применялись. Существенно ограничивалась в пользу партийных структур и политическая составляющая карательных функций силовых ведомств. При принятии решений на всех уровнях власти возрас- тала роль партийного аппарата, но теперь не монолитного и абсолютно послушного, а значит не столь политически безвольного и управляемого из центра, как при Сталине.

К началу 1960-х годов лидер партии уже не мог быть харизматичной личностью. Власть первого лица в партии постепенно переставала быть всеобъемлющей, а роль партийно-государственного аппарата, в особенности республиканского и областного масштаба, после XX съезда КПСС почувствовавшего свою силу и возможности влиять на события в стране, все более становилась решающей. Провозглашенный демократический принцип «коллективного руководства» в реальной практике получил ограниченное применение на уровне Политбюро ЦК КПСС. Но он активизировал позиции и порождал критические настроения среди партийных функционеров и рядовых коммунистов. Таким образом, механизм осуществления власти и управления обществом, сложившийся и действовавший в сталинское время, после XX съезда КПСС постепенно видоизменялся. Как считают российские исследователи, наступило время перехода от жесткого, репрессивного тоталитаризма к более гибкому авторитаризму, был сделан шаг в сторону от сталинизма.

С точки зрения исторической перспективы, важнейшим следствием XX съезда КПСС стало освобождение общественной атмосферы, хотя и не в полной мере, от таких, связанных с политическими репрессиями, нравственно пагубных явлений, как массовое доноительство и всеобщий страх. По мнению современника тех лет Г. А. Арбатова, академика и известного политика эпохи М. С. Горбачева, советское общество уже к середине 1950-х годов становилось «более зрячим, трезво смотрело на себя, освободилось от некоторых иллюзий. Люди начинали думать...» Тот же Арбатов считает, что съезд сыграл в жизни общества некую провокативную роль: «В народе была высечена искра надежды, пробуждены вера, даже искренний энтузиазм, энергия борьбы за очищение общества, за подлинно социалистические идеалы... люди начали самостоятельно мыслить, говорить, писать, что думают...»³¹

Под воздействием происшедшего на съезде и затем драматических событий 1956 г. в Польше и Венгрии на партийных собраниях в инженерно-технических и рабочих коллективах крупных промышленных предприятий, в среде интеллигенции, особенно технической и творческой, среди студенчества все чаще ставились острые политические вопросы. Почему произошло то, что имело место в 1930—1940-е годы, кто виновен в потере миллионов красноармейцев в 1941 г., как избежать всевластия лидера? Рассекреченные документы ЦК КПСС показывают, что в партийных кругах нередко публично говорилось об ответственности самого постсталинского руководства не только за прошлое, но и за настоящее в советском государстве и в странах-союзниках. Критика «верхов» пробуждала инакомыслие, появились «дети XX съезда», затем «шестидесятники». Возникли первые конспиративные группы, например, группа Л. Краснопевцева на историческом факультете МГУ, с деятельностью которой некоторые российские исследователи связывают зарождение политической оппозиции в стране³². Тогда они, мои старшие коллеги по факультету, пытались не только понять, осмыслить материалы съезда, но и соотнести их с действительностью. Они искали другую модель социализма, а вовсе не были ниспровергателями советского строя, за что были судимы и восемь—девять лет находились в заключении. Не трудно предположить, какая судьба их ждала бы за такие «преступления» во времена Сталина.

Таким образом, после XX съезда КПСС в стране складывалась новая ситуация. В каком направлении и как будет развиваться страна, это, если разделять суждения современных политологов, во многом зависело в первую очередь от позиции партийной элиты и Хрущева лично. Убежденный коммунист, веривший в превосходство социализма, сокрушительный, но непоследовательный критик Сталина, Хрущев ни в коей мере не был сторонником коренного изменения системы. Он воспринял «брожение» в стране и, в особенности, события в Польше и Венгрии, как угрозу строю, испугался «джиннов, выпущенных из бутылки», почувствовав рождение процесса, который рано или поздно может привести к отторжению народом политического режима, даже освобожденного от вопиющих черт сталинизма. В Советском Союзе началась острая, нередко беспощадная борьба с критическими проявлениями, которые именовались антисоветскими настроениями в обществе, прежде всего, среди творческой интеллигенции. Социальные протесты рабочего класса тоже квалифицировались как покушение на советскую власть. В ответ применялись «старые» и «новые» суровые формы политических репрессий. Они не были связаны теперь с массовым физическим уничтожением и изоляцией

людей, они тормозили, но не предотвращали приближение времени крушения политического режима, основанного на несвободе человека.

XX съезд КПСС и выступление Н. С. Хрущева с «секретным» докладом 25 февраля 1956 г. стали тем рубежом в истории СССР, за которым последовал затянувшийся на десятилетия мучительный и противоречивый процесс избавления от наследия сталинизма, преодоления нашим народом своих, во многом иллюзорных, представлений о советском строе, о возможностях его реформирования в условиях монопольной власти КПСС и при отсутствии соответствовавшего эпохе политического лидера.

Примечания

¹ Барулин В. С. Российский человек в XX веке. Потери и обретения себя. СПб., 2000. С. 367—368.

² Твардовский А. Т. Из рабочих тетрадей // Знамя. 1989. № 7. С. 182.

³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3.

⁴ Культура и власть от Сталина до Горбачева. Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документ / Отв. ред. К. Аймермахер. М., 2002.

⁵ Хрущев Н. С. Воспоминания. М., 1997; Он же. Время. Люди. Власть (Воспоминания в 4-х кн.). М., 1999.

⁶ Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999; Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991; Чуев Ф. И. Молотов: полудержавный властелин. М., 1999; Каганович Л. М. Памятные записки. М., 1997; Громыко А. А. Памятное. М., 1990. Т. 1—2; Симонров К. М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1989; Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950-е годы. М., 1997; Трояновский О. А. Через годы и расстояния. М., 1997 и др.

⁷ Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945—1991. М. 1998; 2002; Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001; Аксютин Ю. В., Пыжиков А. В. Постсталинское общество: проблема лидерства и трансформации власти. М., 1999; Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. М., 2004; Прокуменщиков М. Ю. «Секретный» доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС и международное коммунистическое движение // Культура и власть от Сталина до Горбачева... С. 17—40; Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». 1953—1964. М., 2002; Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе. Новосибирск, 1999; Зубкова Е. Ю. Общество и реформы (1945—1964). М., 1993; Она же. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М., 1999 и др.

- ⁸ Аксютин Ю. В. Указ. соч. С. 36.
- ⁹ Там же С. 34.
- ¹⁰ См.: Россия. XX век. Документы. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999.
- ¹¹ Пихоя Р. Г. Указ. соч. С. 111—114, 137.
- ¹² Симонов К. М. Указ. соч. С. 281.
- ¹³ Пыжиков А. В. Указ. соч. С. 47, 175.
- ¹⁴ Аксютин Ю. В. Указ. соч. С. 101—102.
- ¹⁵ См.: Орехов А. М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005.
- ¹⁶ См.: Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР, США в начальный период «холодной войны» (1945—1957). М., 2002.
- ¹⁷ Цит. по: Аксютин Ю. В. Указ. соч. С. 115.
- ¹⁸ Там же С. 122—139.
- ¹⁹ Твардовский А. Т. Указ. соч. С. 170.
- ²⁰ Пыжиков А. В. Советское общество: поиск путей модернизации (40—60 годы XX века). М., 2006. С. 139.
- ²¹ Аксютин Ю. В., Пыжиков А. В. Указ. соч. С. 121.
- ²² Культура и власть от Сталина до Горбачева... С. 167—169.
- ²³ Там же. С. 238—243.
- ²⁴ Там же. С. 185—237.
- ²⁵ Там же. С. 241—243; Аксютин Ю. В. Указ. соч. С. 166.
- ²⁶ Цит по: Арбатов Г. Свидетельство современника. М., 1991. С. 28.
- ²⁷ Культура и власть от Сталина до Горбачева... С. 253; Аксютин Ю. В. Указ. соч. С. 171.
- ²⁸ Твардовский А. Т. Указ. соч. С. 178.
- ²⁹ Козлов В. А. Указ. соч. С. 155—183.
- ³⁰ Аксютин Ю. В. Указ. соч. С. 171—183.
- ³¹ Арбатов Г. Указ. соч. С. 27, 34.
- ³² См.: «Дело» молодых историков // Вопросы истории. 1994. № 4.